

УДК 811.111:801

А.С. СУВОРИН. «МАЛЕНЬКИЕ ПИСЬМА» О БОЛЬШИХ СОБЫТИЯХ

© Анатолий Иванович ИВАНОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской филологии и журналистики,
e-mail: ivanov_ai@bk.ru

Рассмотрены особенности публицистики редактора газеты «Новое время» и журналиста А.С. Суворина в «Маленьких письмах» последнего периода (1904–1908 гг.), история их создания и место в творческой биографии. Внимательное, объективное прочтение «Маленьких писем» позволяет уточнить гражданскую позицию автора в объяснении государственной политики, преодолеть бытующие стереотипы. Становится ясно, что в «Маленьких письмах» главное внимание уделяется не столько классовым или социально-политическим проблемам, сколько *общерусским* и даже *общечеловеческим*. С этой точки зрения примечательны суждения А.С. Суворина, например, о недопустимости пренебрежения к противнику или «парадоксах» массового сознания в военное время. Особое место отводится этическим проблемам в революционный период. Публицистику А.С. Суворина отличает многомерный, объемный взгляд на происходящее и чуткость к завтрашним переменам. В немалой степени этому способствовало общение с крупными политиками и простыми читателями, внимание к высокой политике и знание реальной жизни. Помимо этого – живой интерес к каждому дню. «Маленькие письма» передали переживания автора, его желание рассказать и поддержать интерес к событиям, уничтожить навязываемый Западом страх. Они передали желание докопаться до истины при публикации проверенных фактов, при разговоре о действиях, происходящих реально. Складывается ощущение, что он ведет диалог с каждым человеком. Помимо художественных достоинств «Маленькие письма» интересны как исторический источник о сложном для России времени, о культурной, общественной жизни.

Ключевые слова: русско-японская война; отечественная журналистика начала XX в.; национальный характер; культура.

Я редко вхожу в область «большой политики» и считаю себя в ней просто русским, который чувствует ее удары, но иногда не может себе объяснить, откуда они и почему.

А.С. Суворин

В 2005 г. – в год 100-летия Русско-японской войны и Первой русской революции – отдельным изданием вышли знаменитые «Маленькие письма» Алексей Сергеевич Суворина [1]. Автор «Маленьких писем» А.С. Суворин (1834–1912) – неоднозначная и интересная личность второй половины XIX – начала XX в. – оставил яркий след в русской художественной культуре своего времени. Журналистика, литература, театр, книгоиздательство, внутренняя и внешняя политика России после великой реформы 1861 г. были предметом его пристального внимания. Его природный ум, волевой характер, деловую хватку и необычайную работоспособность отмечали и друзья, и многочисленные недоброжелатели.

«Обладавший острым, с хитрецой, умом, пронизательный и осведомленный, открытый и доброжелательный, жадно поглощавший все впечатления окружающего бытия, А.С. Суворин был на редкость интересным, отзывчивым собеседником. И это влекло к нему людей, от Н.А. Некрасова и Ф.М. Достоевского до В.С. Витте и А.Н. Куропаткина, от тульских и воронежских мужиков до С. Бернар и Т. Сальвинн, – пишет о нем современный исследователь. – Свободная, непринужденная манера письма, живой разговор с читателем на понятном ему языке интересовали многих – читательская почта А.С. Суворина была очень велика, и он использовал эти отклики в своих последующих выступлениях» [2].

«Маленькие письма» выходили в газете А.С. Суворина «Новое время» в течение почти двадцати лет (1889–1908), печатались не всегда регулярно, иногда с большими перерывами. «Письма» как журналистский, «эпистолярный» жанр не являлся чем-то новым и необычным. Русские писатели и до А.С. Су-

ворина использовали эту форму (Д.И. Фонвизин, Н.М. Карамзин, П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, А.В. Лавров, В.П. Боткин, М.П. Погодин, М.Е. Салтыков-Щедрин, Г.И. Успенский), используя их «для свободного, более субъективного и непринужденного выражения своих мыслей и чувств, но и для живого, непосредственного общения с читателем, для сиюминутной оценки или скорого отклика на те или иные события политической и общественной жизни» [2, с. 9].

«Маленькие письма» представляют значительный интерес по нескольким причинам.

Во-первых, в силу недостаточной изученности весьма многостороннего творчества их автора – А.С. Суворина, роли и места «Маленьких писем» (последнего периода) в его журналистской деятельности; специфики отражения и формирования общественного мнения такой массовой читательской аудитории, каковой была аудитория «Нового времени».

Во-вторых, интересно осмысление Русско-японской войны и зарождающейся революции. В поле зрения А.С. Суворина-публициста оказались политические отношения между странами-союзниками и странами-противниками, положение простого соотечественника и солдата в условиях разгорающейся войны. В «Маленьких письмах» выражено ощущение последствий войны.

В-третьих, из «Маленьких писем» можно узнать о культурной, социально-экономической и общественной жизни страны в военных условиях, в революционной и после-революционной обстановке.

Казалось бы, все это, прежде всего, должно заинтересовать историков журналистики и специалистов в области истории России рубежа XIX–XX вв. Но в наше время «Маленькие письма» ценны, на наш взгляд, как свидетельство тому, что в драматические для страны периоды четче вырисовывается главное в характере народа, жизни общества; обнаруживаются явления, которые будут характерны и для последующих десятилетий. «Нас не знают как следует, – писал автор 25 января 1904 г. – И сами себя мы мало знаем. Какая наша роль в мире, наплодились ли мы так себе, от бедности или от нечего делать, или мы призваны оплодотворить мир своими русскими качествами, которые мы

вольем в него и от которого он помолодеет? Мы больше смеялись над собою, больше негодовали на себя в лице своих писателей, чем беспристрастно разбирались. В бури и грозы мы узнаем себя лучше» [1, с. 35].

«Маленькие письма» отличаются вниманием автора не столько к классовым или социально-политическим проблемам, сколько к *общерусским* и даже *общечеловеческим*. С этой точки зрения примечательны суждения А.С. Суворина, например, о «парадоксах» массового сознания в военное время. Оговоримся сразу: для того чтобы точнее донести суть высказывания автора, мы просто вынуждены цитировать весьма большие фрагменты. Это вызвано еще и тем, что в прежние времена ученые-идеологи зачастую буквально выдергивали из его статей и писем отдельные фразы, придавая им едва ли не обратный смысл. Но вернемся к высказыванию А.С. Суворина о метаморфозах в отношении человека к несчастью.

«Удивительное создание человек. В мирное время скорбит о всяком несчастье. Придавил элегантный экипаж на Невском мужика, выскочила дама с трамвая и переломила себе ногу, застрелился от любви юнкер, убили на дуэли титулярного советника, окончившего курс в Правоведении, объелась купчиха Трохимова гнилой рыбой и умерла, сошел поезд с рельсов и ранено десять пассажиров, – Господи, сколько сожалений, негодования, проклятий. Мне жаль даже этих бедных цапель, которых свалил ветер с вершины дуба, и жаль отца их и мать, которые вдруг выбиты из своей колеи и должны воспитать новое поколение.

В военное время человек меняется. Людей взрывают на воздух и убивают тысячами и радуются. У нас три тысячи убито, у неприятеля десять тысяч. Слава тебе, Господи. Начинается совсем иная психология, и ничего против нее нельзя сделать. То есть можно читать прекрасные наставления о том, что радоваться нечему, что люди братья: шаблоны для этого искони веков выработаны, но заглушать в себе неприязнь к врагу, злорадство по поводу его поражений так же трудно, как доказать охотнику, который убивает на охоте птиц, как доказать всеядному человеку, который ест жареные трупы, что это не благородно и ужасно. А потом национальная гордость, национальная честь, патриотизм –

все это врожденное тысячелетиями, все это прославленное, все это запечатленное героизмом, самопожертвованием, подвигами, в которых действительно говорит человеческая душа, благородная и высокая. Во время войны эта душа доходит до своего зенита великодушия и до величайшего презрения самого проклятого своего врага, смерти» (25 января 1904 г., с. 108).

В приведенном отрывке привлекает внимание не только ирония по поводу многих стереотипов, но и деликатное прикосновение к вопросу о патриотизме, самопожертвовании, героизме – темам, к которым А.С. Суворин не раз будет возвращаться. В этом же письме встречаем размышления А.С. Суворина о значимости малого в большом деле: «...я прочел о гибели японского броненосца, «Хатцусе», который погрузился в воду так же быстро, как «Петропавловск», и с таким же количеством людей. Невестке бывают отместки. Только и всего. Ни мы, значит, ни японцы не избавлены от этих катастроф, и после каждой из них можем только спрашивать: чья очередь? Эти громады, кажется, исчезнут из флотов после этой войны. Пользы от них никакой не было, только стреляют издали и то больше на ветер, а гибнут так же от укуса ядовитой мины, как маленькие суденышки. Прилетела злая муха, укусила, и нет человека. Подошла мина, дотронулась до водяной крепости, и крепость заслонилась дымом и пошла ко дну со всеми своими машинами, грозными пушками и умными людьми. Кто умней? Мина ли эта, которая напоминает сигару, или эти колоссальные сооружения, перед которыми легендарный Ноев ковчег – детская игрушка? Спрашиваю, кто умнее, ибо и в предметах, искусственно одушевленных, надо думать, есть ум. Левиафан и комар. Рычащий издали громом лев и подползающая к нему незаметно ядовитая змея (27 мая 1904 г., с. 109).

В публикации от 24 апреля 1904 г. с болью говорит об открывшихся в первые дни войны истинных русских «язвах». Одна из них – пренебрежение к противнику: «Грустное, тяжелое время. Я считал эту войну страшною и грозною и говорил это до войны. Но я ошибался, что Россия так же мало знает Японию, как Япония знает Россию. Теперь ясно для всех, что Япония гораздо лучше знает Россию, чем Россия – Японию. Японцы

посещают наш университет около тридцати лет. Знающих русский язык у них очень много. Японское посольство знало по-русски. Это очень важно».

О пренебрежении к «желтолицым» в начале века писал не только А.С. Суворин. Но за этим высокомерием он увидел элементарную недальновидность дипломатической службы: «Во время китайской войны я говорил об этом несчастном предрассудке нашего министерства иностранных дел руководствоваться в назначении послов служебной иерархией и посылать в Токио из Лиссабона, откуда-нибудь из Дрездена в Китай и т. д. Дипломаты надо мной смеялись. Не все ли равно, что Дрезден, что Лиссабон, что Токио, что Пекин, что Тегеран. Есть французский язык, на котором Япония называется Жапон, а Китай – Шин, и есть переводчики, которые носят особое наименование драгоманов. Чего больше!» (24 апреля 1904 г., с. 100).

Публицистику А.С. Суворина отличает многомерный, объемный взгляд на происходящее, «заглядывание» в завтрашний день. В немалой степени этому способствовало общение с крупными политиками (С.Ю. Витте, С.А. Муромцевым, В.К. Плеве) и простыми читателями, внимание к высокой политике и знанию реальной жизни. Помимо этого – живой интерес к каждому дню. Именно поэтому «Маленькие письма» столь многогранны и откликнулись на многие проблемы и вопросы того времени. Один перечень их составил бы целую страницу. А.С. Суворин писал о значении Великого Сибирского Пути (Транссибирской железнодорожной магистрали) и реформах школьного образования, об антисемитизме и нарождающейся многопартийности, он писал о переменах в государственной жизни в связи с началом работы Государственной думы и ставил вопрос о равноправии для русского народа, коль скоро оно предоставлено другим народам Российской империи, о русской праздности и критиканстве отечественной журналистики...

Судьба А.С. Суворина соприкасалась с судьбами известных личностей, ценителей русской души, политических деятелей; его мировоззрение перекликалось с мировоззрением этих личностей, но носило всегда свой характер и оттенок. И прежде всего его размышления отличают забота и боль за русское. В ожидании вестей с Дальнего Востока,

в тревоге о воюющих солдатах и матросах автор чувствует себя в единстве с миллионами русских, в единстве с великим Л.Н. Толстым, мнение о войне которого заинтересовало зарубежную прессу. «Что думает Л.Н. Толстой о войне? – таким вопросом начинается одно из «Маленьких писем». – За решением этого вопроса, – говорится далее, – сотрудник “Figaro” ездил в Ясную Поляну и допрашивал ее хозяина». Не без иронии пишет А.С. Суворин о том, что наверняка чужестранец услышит давно известные проповеди: «война – ужасное дело, что образованный мир теперь свирепее Чингисхана, что Евангелия не читают, в Бога не верят, что цивилизация создала искусственные потребности, столь же ненужные, как пирамиды, что железные дороги ничего не дали хорошего для жизни». Может быть, корреспондент узнает и о том, что из Ясной Поляны Л.Н. Толстой зачем-то ездил в Тулу. И тут же А.С. Суворин с уверенностью говорит: «Л.Н. Толстой ездил в Тулу не за тем, конечно, чтобы узнать о судьбе японской армии. Он горел нетерпением узнать о русской армии. Его русская душа требует известия и беспокоится, а не всечеловеческая. Всечеловеческая холодно рассуждает, придумывает красивые сравнения, яркие по выразительности своей слова, картины неведомого будущего, а русская душа его болит, страдает, умирает и воскресает снова» (28 марта 1904 г., с. 68).

Не сдерживая восхищения и большой надежды, рисует А.С. Суворин облик Военного министра А.Н. Куропаткина, назначенного Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии: «Русская земля росла талантами, прославилась ими, и будет ими расти и славиться. Я знал А.Н. Куропаткина еще в небольших чинах, в скромной доле. Потом это имя связалось с именем М.Д. Скобелева и росло, и росло. Ничего фейерверчного, кричащего, ищущего популярности. Что-то спокойное, крепкое, вдумчивое, деятельное без всяких фраз, без всякой самонадеянности, но не устающее работать, изучать и верить в рост своей родины и ее великие задачи. Русский человек, в полном смысле этого слова, поднявшийся благодаря своим дарованиям и труду. Мужественный воин, получивший несколько ран, доказавший свою храбрость и свой выдающийся

ум в боях, в трудных походах на Балканах и в Азии, в Геок-тепе, Туркестане, в Кашгарии, он знаком с азиатами как нельзя лучше. Военный писатель, он изучил Алжирию, был в степях Сахары, исследовал битвы и движения войск. В военных и морских кружках, в литературных и общественных имя А.Н. Куропаткина произносилось, как боевой лозунг настоящего времени. Никакое другое имя не ставилось рядом с его именем. В него уверовали не мгновенно, не выкриком каким-нибудь, а путем постепенных и возраставших непрерывно его заслуг в течение многих лет. И уверовали крепко, как в умственную силу, как в настоящий военный талант» (9 февраля 1904 г., с. 45).

Коротко и ясно звучит ответ А.С. Суворина-публициста на вопрос, почему воюет Россия? «Из-за чего мы воюем? Как это ни странно, но этот вопрос задают себе довольно многие, сознавая в то же время, что раз нас втянули в войну, необходимо поддерживать честь и авторитет нашего оружия.

«Мы это отлично понимаем, говорят они, но из-за чего мы воюем? Не из-за Маньчжурии же и Кореи?»

Мы воюем из-за того, чтобы никто не смел трогать нас на Дальнем Востоке, ни теперь, ни в будущем. Власть государства основывается на том, чтобы все признавали его авторитет. Это дается испытанием его силы. Так было у нас с Казанью, Астраханью, Крымом, Кавказом, Средней Азией. Россия утвердилась там путем признания ее силы, путем войны, и никто не оспаривает у нас этих владений. Россия не может позволить не только бить себя по лицу, но и в спину. Дальний Восток, если можно так выразиться, спина России» (26 июня 1904 г., с. 121).

В «Маленьких письмах», откликнувшись на войну, выражены тревога о защитниках Порт-Артура и горечь поражения после сдачи крепости, восхищение мужеством экипажей миноносцев «Решительный» и «Бураков», крейсера «Новик», канонерки «Бобр»; высказано возмущение по поводу промедления со строительством современного флота, отставания в перевооружении российской армии: отсутствия пулеметов, легких воздушных шаров для ведения разведки, неиспользование воздушного телеграфа для обеспечения связи и т. д. Не будучи военным специалистом, А.С. Суворин не раз прозор-

ливо указывал на то, что война эта – *новая*. Начавшаяся через десять лет Первая мировая война подтвердила многие наблюдения «мирного» журналиста.

На наш взгляд, «Маленькие письма» в своей совокупности – не столько хроника, сколько своеобразный монитор, фиксирующий эмоциональный настрой общества, динамику изменений в отношениях к тому или иному событию. С другой стороны, «Маленькие письма» А.С. Суворина – не просто публицистические материалы, это переживания автора, его желание рассказать и поддержать, уничтожить навязываемый Западом страх. Желание докопаться до истины, публикуя проверенные факты, говоря в письмах о действиях, происходящих реально. Складывается ощущение, что он ведет диалог с каждым человеком. Любой, прочитав письмо, мог почувствовать, что именно с ним разговаривает автор, пытаясь развеять сомнения и неуверенность в своих силах.

Следует сказать, что газета А.С. Суворина «Новое время» сумела сосредоточить вокруг себя весь практический, деловой патриотизм. Одним из примеров тому – разъяснение необходимости скорейшего создания подводного флота: «Десятки лет тому назад у нас была сделана подводная лодка Н.Ф. Александровским и хорошо работала. Но случилась с ней неудача – она зарылась в ил. И ее бросили. А если б ее не бросили, у нас были бы подводные лодки раньше, чем где-нибудь.

Если найдут, что прежде всего необходимы подводные лодки, пусть так и будет. Мы с вами не специалисты, но нам объяснят тогда, почему принято делать так или иначе. Большое общественное дело должно идти так, чтобы мы все радовались его успеху, как успеху нашей дорогой Родины, которая соединяется около государя в одну политическую семью» (5 февраля 1904 г., с. 43). И газета организовала сбор средств на строительство Черноморского флота, на создание подводных лодок.

В статье о А.С. Суворине его современник В. Розанов сказал: «У нас был патриотизм риторический, одописный – в XVIII в.; был патриотизм официальный, правительственный – в Николаевские времена, М.Н. Катков дал нам вспомнить патриотизм величаво-исторический; наконец, славянофилы дали нам патриотизм мистический, мессианский,

внутренний. Но не было у нас патриотизма дневного, делового, практического; «ежедневного» и до известной степени «журнального». В лучших случаях у нас была греза об отечестве и ода отечеству, но работы для отечества – не было. А.С. Суворин это-то пустое место и занял, сразу поняв и оценив, что это – самое важное место, самое хлебное место, самое исторически-значительное» [3, с. 12]. Именно благодаря этому «дневному, деловому, практическому» отношению, говоря словами В. Розанова, к реалиям жизни, газету «полюбили вопреки всему, всем крикам, всей травле остального газетного мира».

Война войной, но А.С. Суворин не мог не откликнуться на постановку «Вишневого сада» А.П. Чехова. И снова в центре внимания не столько эстетическая сторона пьесы, сколько судьба русской интеллигенции – лучшей части русского общества: «Это яркая картина русской жизни, распушенности, халатности, ничегонеделания, благородных разговоров, именно благородных монологов, а не чувств и не действий. <...> Охают, ахают, видят, что все трещит и лопается, но все надеются на то, что авось что-нибудь случится, что бабушка даст денег, тетушка смилуется, выпадет выигрыш в 200 тыс., а то так просто какое-нибудь чудо совершится, какая-нибудь неожиданность явится на выручку. <...> И все это «порядочные» люди, честные люди, с гордостью...»

Говорит он и о глубине понимания А.П. Чеховым того положения, в котором оказалась интеллигенция на исходе девятнадцатого столетия: «Жаль русского человека, который так опустил, что не находит в себе никакого протеста, кроме слез, причитаний и согнутой, понурой спины, которую показывают действующие лица при окончательном падении занавеса. Лица исчезли, остались спины.

Сам А.П. Чехов – русский человек до мозга костей. Не дворянин по рождению, он не плюет на дворянскую жизнь, на дворянский быт, как многие другие, а относится к ним с чувством глубокого русского человека, который сознает, что разрушается нечто важное, разрушается, может быть, по исторической необходимости, но все-таки это – трагедия русской жизни, а не комедия и не забава. Отрезаются прочь хорошие части общего русского тела в то время, когда

жизнь нуждается в крепких, в образованных основах. Умирать мы умеем, но бороться еще не выучились, умирать с надеждой на воскресение, на лучшую жизнь. Поэтическое чувство многое подсказывает А.П. Чехову, чего, может быть, толпа и не разумеет вполне» (29 апреля 1904 г., с. 101-102).

Публицистику А.С. Суворина в «Маленьких письмах» можно по праву назвать журналистикой здравого смысла. Этот житейски мудрый взгляд ощутим не только в оценке военных событий. Русско-японская война, как известно, стала предтечей Первой русской революции 1905 г. Но начало века – это и период буквальной охоты на общественных и политических деятелей, губернаторов, полицейских и судебных чиновников. Те, кто устраивал революцию, натравливал рабочий класс на политический строй, шли на это осознанно, – считал А.С. Суворин: «Убийство В.К. Плеве совершено во имя той призрачной «свободы», которая летает где-то в диком и необузданном воображении и вооружена насилием и революционной ломкой. *Совершить убийства во имя свободы, значит убивать самую свободу. Кто убивает, тот враг того развития, которое совершается ростом самого общества, враг тех необходимых, назревших реформ, которыми удовлетворяется большинство. Убийства замедляют движение, обрезают крылья у желаний самых умеренных, у той мирной и ясной свободы, которая вооружена просвещенным умом, знанием своей родины и верными средствами для поднятия ее жизни на известную высоту. Должно ненавидеть всякое убийство, как простое, так и политическое, совершается ли оно в революционное время, как орудие партии, захватившей власть в свои руки и террором, страхом желающей укрепиться, или совершается для внесения в общество смуты и переполоха» (курсив мой. – А. И.) За десять с лишним лет до Октября 1917 г. сказано об отношении к политическому убийству как орудию партии, захватившей власть в свои руки...*

Мы долгое время жили с убеждением, что если мнение журналиста дореволюционной России в чем-либо совпало с политикой царского правительства (государства), то позицию автора следовало считать официальной, казенной. Что же сказал по этому поводу редактор «беспринципной» газеты «Новое вре-

мя» и журналист А.С. Суворин? «Я – простой журналист и желал выражать настроенное, желания и надежды общества» (с. 182). На собственном опыте зная, *что это* такое, он не раз возвращался к мысли о назначении журналистики, ее роли в России. Обратим внимание, насколько современны слова А.С. Суворина о критике, которой славилась литература и журналистика его времени: «Равнодушная, иронизирующая или мелко злобная критика – признак среды равнодушной к общественным интересам или привыкшей видеть эти интересы только в состоянии своих личных самолюбий, поползновений, расчетов и зависти. Отсюда комплектуются карьеристы, гастролеры, подозрительные дельцы, способные пользоваться обстоятельствами, и широкие говоруны и забавники. Отсюда комплектуются прожектеры, те господа, которые вдруг почему-то выплывают наверх и почему-то скрываются, не обнаруживая ничего кроме вреда, но на минуту изображают собою мудрецов» (12 июля 1904 г., с. 113).

И в то же время нельзя оставить без внимания сарказм, с которым дается оценка некоторых, далеко не воинственных, действий одного из военачальников. Речь идет о коменданте крепости Порт-Артур генерале А.М. Стесселе. «Будущий гениальный автор нового романа «Война и мир» расскажет будущим поколениям тайны души наших правителей, тайные их думы, их честолюбивые замыслы, их уступки друг другу, их взаимную «закономерность», выработанную бюрократическим строем, их дружбу и камень за пазухой. Тут нужна тонкая художественная работа и ряд портретов не в тех условиях, в каких И.Е. Репин писал заседание Государственного совета, свою известную большую картину, полную золота и нагрудных украшений. В числе этих портретов будет и портрет адмирала Е.И. Алексеева, этой интересной во многих отношениях личности, которая являлась чем-то безответственным, роскошным по своим вкусам, сиявшим минутным блеском и быстро скрывавшимся в темноту. На процессе адмирал Е.И. Алексеев представлен только своим ковром. Это – нечто вроде ковра-самолета в этой трагической сказке о Порт-Артуре. Ковер адмирала Е.И. Алексеева, вопреки свидетельству г. Вершинина, спасен генералом А.М. Стес-

селем и доставлен по адресу. Точно спасен был целый полк вследствие гениальной распорядительности полководца. Ура! Ковер, по которому ходил наместник Дальнего Востока, спасен и будет приобретен, как редкость, каким-нибудь музеем.

– Смотрите, этот ковер избег японской жадности, благодаря предусмотрительности генерала А.М. Стесселя. Это исторический, легендарный ковер.

Во время трагедии дело не обходится без шутовства, и ковер наместника – это шут, и когда генерал А.М. Стессель торжественно читал оправдательный документ о получении этого ковра бывшим наместником Дальнего Востока, в зале суда должно было царить веселое настроение. Если б я был беллетристом, я написал бы повесть об этом ковре и заставил бы его рассказывать, что он видел, что он слышал и что претерпел. Ах, если б ковры могли говорить!» (16 января 1904 г., с. 738-739).

Как видим, А.С. Суворин не стеснялся в выражениях, но и не переходил грань между оскорблением и выражением личного мнения. Не один раз говорил журналист о необходимости называть вещи своими именами: «Манеру экивоков и скрытой иронии надо бы бросить. Надо бы поставить печать в положение более независимое, чтоб она, служа выражением общества, вместе с тем помогала бы и обществу и правительству в их взаимных отношениях, а не отписывалась бы, как отписываются в известных случаях канцелярии» (16 июля 1904 г., с. 138).

Что же такое истинная журналистика? Говоря словами А.С. Суворина, – «ничего» и «все одновременно». Ведь она «ничего» лишь по силе власти, но всякой власти и силе указывает, советует, содействует ей, ее оспаривает и даже обличает! Сегодня, спустя столетие, трудно не соглашаться с многими убеждениями автора «Маленьких писем».

Оценивая гражданскую, издательскую, журналистскую деятельность А.С. Суворина,

его младший современник А.В. Амфитеатров писал, что только «тогда вскроется истина, как мало был понят этот большой человек и как много оклеветан», когда «история займется «стариком Сувориным» с должным беспристрастием, по документам его деятельности и правдивым показаниям людей, достойных веры, потому что действительно его знавших» [4, с. 112].

Думается, что такое время для беспристрастного обращения к публицистике «старика Суворина» настало.

1. *Суворин А.* Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). М., 2005. Далее ссылки на это издание, с указанием даты письма и номера страницы.
2. *Романенко А.* Годы разлома и сокрушения // Суворин А. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). М., 2005. С. 12-13.
3. *Розанов В.* Суворин и Катков // Новое время. 1997. № 7.
4. *Амфитеатров А.В.* Старик Суворин // Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.И. Рейтблата: в 2 т. М., 2004. Т. 2.

1. *Suvorin A.* Russko-yaponskaya voyna i russkaya revolyutsiya. Malen'kie pis'ma (1904–1908). M., 2005. Dalee ssylki na eto izdanie, s ukazaniem daty pis'ma i nomera stranitsy.
2. *Romanenko A.* Gody razloma i sokrusheniya // Suvorin A. Russko-yaponskaya voyna i russkaya revolyutsiya. Malen'kie pis'ma (1904–1908). M., 2005. S. 12-13.
3. *Rozanov V.* Suvorin i Katkov // Novoe vremya. 1997. № 7.
4. *Amfiteatrov A.V.* Starik Suvorin // Zhizn' cheloveka, neudobnogo dlya sebya i dlya mnogikh / vstup. stat'ya, sost., podgot. teksta i komment. A.I. Reytblata: v 2 t. M., 2004. T. 2.

Поступила в редакцию 24.02.2016 г.

UDC 811.111:801

A.S. SUVORIN. "MALENKIE PISMA" (LITTLE LETTERS) ABOUT GREAT EVENTS

Anatoly Ivanovich IVANOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Philology and Journalism Department, e-mail: ivanov_ai@bk.ru

The characteristics of A.S. Suvorin editor of "Novoe Vremya" newspaper and work in "Malenkie pisma" in the last period (1904–1908), the history of their development and a place in the creative biography are discussed. A thoughtful, objective reading of "Malenkie Pisma" allows to specify author's civil position in explaining government policies and to overcome the prevailing stereotypes. It becomes clear that the "Malenkie Pisma" focuses not so much on a class or socio-political issues, but on all-Russian and even universal ones. From this point of view, A.S. Suvorin's judgments, for example, about the inadmissibility of contempt for the opponent or "paradoxes" of mass consciousness in wartime, are remarkable. Special attention is paid to ethical issues in the revolutionary period. Multidimensional, complex look on tomorrow events and sensitivity to changes distinguish A.S. Suvorin's journalism. This has made possible the dialogue with major politicians and ordinary readers, attention to the high politics and the knowledge of the real world. In addition, a keen interest in every day. "Malenkie Pisma" transmits the author's experience, his desire to tell and to support interest in the events, to destroy the fear imposed by the West. They conveyed a desire to get to the truth, in the publication of verified facts, talking about the actions that take place actually. We feel that he conducts a dialogue with each person. In addition to the artistic value "Malenkie Pisma" are interesting as a historical source about the difficult time for Russia, the cultural and social life.

Key words: Russian-Japanese war; domestic journalism of the beginning of XX century; national character and culture.